

Библиотека

The background is a collage of various historical documents and book pages. At the top left, there's a page with Cyrillic text and a small illustration of a bear. Below it is a page with a decorative border and more Cyrillic text. To the right, there's a page with a large, ornate illustration of a building or monument. In the center, there's a page with dense Cyrillic text. At the bottom left, there's a page with a portrait of a man in a dark coat. The overall tone is warm and aged, with a focus on historical and literary themes.

Послания сердца и духа

IV том писем Е.И. Рерих издания МЦР

Каждая мысль имеет в виду не только одного определенного собеседника, но главные слушатели и последователи этой мысли всегда остаются автору неизвестными. Пути слова неисповедимы. Невозможно проследить трудные хождения книги. И нельзя представить себе, где и как она находит свое лучшее применение. В сердечном желании добра писались все эти письма. Всегда было нужным это пожелание, а сейчас оно совершенно необходимо. В ближайшем будущем, когда гуманитарные познания опять займут свое основное в человеческой жизни место, тогда все действенные советы добра окажутся поистине неуязвимыми. Пройдут они через старшее поколение и достигнут молодых сердец, сейчас подрастающих.

Н.К. Рерих. Письма Елены Ивановны

Эпистолярный жанр, берущий свое начало еще от грека Эпикура, по праву называют древнейшим в мире. К нему обращались такие гиганты пера и мысли, как Спиноза и Гете, Тургенев и Карамзин, Томас Манн и Александр Блок. Живые и вдохновенные свидетельства ушедших эпох, письма великих людей являются не только ценнейшими историческими документами, но и своеобразной хроникой человеческого духа, ибо они освобождают автора от тех профессиональных ограничений, которым он вынужден подчиняться, создавая, скажем, философский трактат или роман.

Елена Ивановна Рерих

Великий русский философ и писатель Елена Ивановна Рерих (1879—1955) оставила нам огромное, интереснейшее эпистолярное наследие. Большинство ее писем, переданных МЦР в 1990 году ее младшим сыном Святославом Николаевичем Рерихом вместе с другими документами, картинками, книгами и семейными реликвиями, никогда не публиковалось. Поэтому первое чувство, которое испытываешь, знакомясь с ее архивом, — это удивление. Работоспособность Елены Ивановны воистину поражает. «Вот уж не думала, что придется так много писать! — как-то пожаловалась она в письме к мужу и старшему сыну, уехавшим в Маньчжурскую экспедицию. И далее в ее словах прозвучала ирония: — Потому что я так не любила всякое писательство, теперь это моя карма». Как бы то ни было, свою карму Елена Ивановна отработала честно, переписываясь со ста сорока корреспондентами, — и это не считая не установленных. Люди со всего света — различного социального положения, возраста и профессий — делились с ней своими размышлениями, просили совета, рассказывали о своей нелегкой судьбе. Великий магнит ее сердца притягивал к ней души, ищущие Света. Для многих Елена Ивановна выступила в роли духовного наставника — достаточно сурового и вместе с тем по-матерински заботливого, внимательного и терпеливого.

Несмотря на то что прошло более 60 лет, когда создавались эти письма, — срок немалый, — мы имеем возможность убедиться в том, что они нисколько не устарели, ибо они не о преходящем, а о Вечном. Многие мысли Елены Ивановны о высоком предназначении человека, о науке и культуре, о судьбах России и всего мира опередили свое время. Даже когда она описывает свою повседневную жизнь в Кулу, эти описания тесно переплетаются с размышлениями о судьбах мира и человечества, — размышлениями, пронизанными внутренним горением и верой в непреложность космических начертаний. Это умение увидеть Великое за повседневным всегда было ей присуще. Но самое главное — строки Елены Ивановны зажгли огонь устремления во многих сердцах не одного поколения искателей, а это уже дар истинного Светоносца и Учителя.

В 2002 году вышел в свет четвертый том полного собрания ее писем из архива МЦР, в который вошло ее эпистолярное наследие за 1936 г. Надо сказать, что Елена Ивановна всегда придавала большое значение 1936 году, называя его годом личной битвы Великого Владыки М. с Иерофантом Зла. «1936 год указан, как чрезвычайно знаменательный год, — писала она. — Интересно отметить, что эти вычисления найдены и в пирамиде

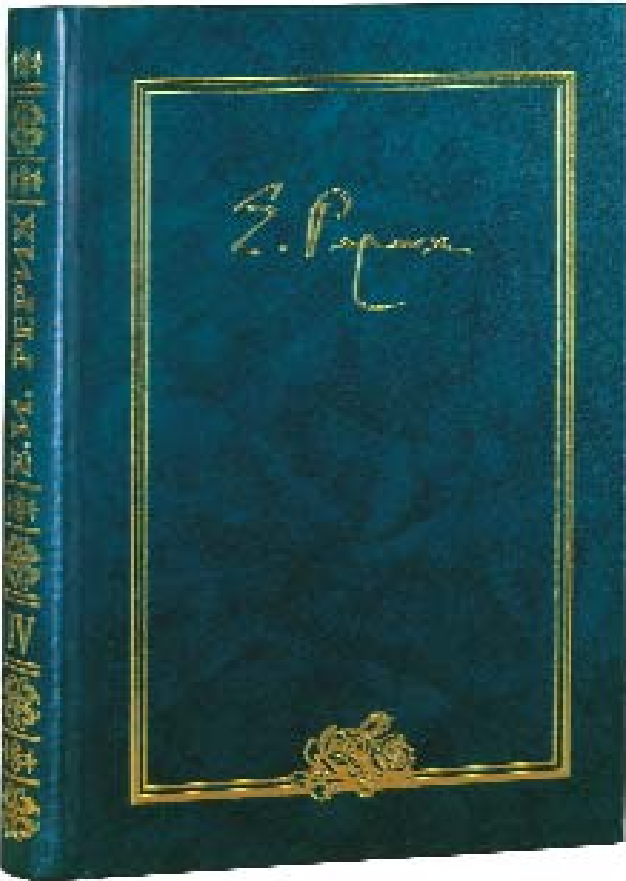
Хеопса. Так мы находимся сейчас в полном развитии этой Битвы, которая будет только усиливаться. Причем Битва эта еще сильнее на плане тонкого мира, но отражения ее на земном плане должны очень усилиться. Напряжение в пространстве небывалое, и нагнетенные огненные энергии бьются в надземных и подземных недрах, грозя прорывом. Истинно, планета в конвульсиях. Очень грозное время, именно, мы стоим перед неслыханной мировой катастрофой. Как сказано: «Враждебные силы расы не подчиняются року. Уходящая раса губит избранных преемников, и Мы должны уберечь их. Рок может быть облегчен, и Битва может быть закончена быстрее». — Пока что никаких признаков на это облегчение не видно. Но ковчег шестой расы уже строится, будем надеяться, что размеры его будут обширнее ковчега Ноя»¹.

Для нее самой этот год вылился в противостояние своим бывшим и когда-то ближайшим сотрудникам — супругам Хорш и Эстер Лихтман, которые уже давно вынашивали план захвата учреждений, основанных Рерихами в начале 1920-х годов в США, и в первую очередь самого Музея Николая Рериха, содержащего богатейшую коллекцию картин художника. В свое время бизнесмен Луис Хорш вложил в дом, в котором размещались все учреждения, — а это был 29-этажный небоскреб — весь свой капитал и надеялся получить за него сторицею. Воплотить свои планы в жизнь ему позволило отсутствие Н.К. Рериха, находившегося в Маньчжурской экспедиции, а также полное доверие остальных Попечителей Музея. Когда Н.К. Рерих, вернувшись из экспедиции, узнал о происшедшем, то дело было передано адвокатам. Однако у Хорша были деньги и протекция в лице министра земледелия США Генри Уоллеса, поэтому суд, растянувшийся на несколько лет, принял решение в его пользу.

Все это оставило глубокую, незаживающую рану в душе Рерихов. Глубоким убеждением Елены Ивановны было то, что свидетельства об этом чудовищном преступлении против Культуры должны остаться для потомков как предостережение. «Если люди перестанут противиться злу, то хаос захлестнет их»², — писала она. История судебного процесса с Хоршем — это история извечной битвы Света и тьмы, разыгрывающейся в человеческих сердцах, история мужества и благородства, вероломства и чудовищного морального падения. В приложении к четвертому тому вы сможете познакомиться с документами из архива, освещающими эти трагические события: Меморандумами самого Николая Константиновича, его письмом президенту США Ф.Д. Рузвельту, Декла-

¹ Письмо Е.И. Рерих от 10 октября 1934 г.

² Письмо Е.И. Рерих З.Г. Фосдик от 20 января 1941 г.

рацией о статусе Нью-Йоркского Музея. Вы увидите, как шаг за шагом разрушалась вера Елены Ивановны и ее супруга в страну, на благо которой они работали шестнадцать лет, которой принесли лучшие результаты своего творчества и о которой говорили так, как дай Бог говорить истинному американцу. После сорокапятилетней культурной работы, отмеченной во всем мире, великого художника, мыслителя и миротворца Н.К. Рериха выставили мошеником, ограбили, и все это при полном безмолвии общественного мнения.

Наверное, не случайно эта книга появилась в разгар других, не менее прискорбных событий, разыгравшихся уже в наши дни, однако имеющих самое непосредственное отношение к событиям далеких 30-х годов прошлого века. Речь идет о незаконной публикации московским издательством «Сфера» дневников Е.И. Рерих за 1920—1935 гг., при участии Музея Николая Рериха в Нью-Йорке. Незаконной как с точки зрения юридической, так и с точки зрения этической, ибо на издание дневников был наложен авторский мораторий. Почти каждое второе письмо в четвертом томе имеет самое непосредственное отношение именно к этим дневникам, и вы получаете возможность убедиться, как все было на самом деле, как сама Елена Ивановна относилась к этой проблеме. Находясь

в Центрально-Азиатской экспедиции, а затем под пристальным вниманием британской разведки, она справедливо опасалась за судьбу бесценного материала, переписала его и передала в США исключительно на хранение, причем часть тетрадей отправила в запечатанном виде. Она запретила своим ближайшим сотрудникам (!) читать их и делать из них выписки, а после того как сокровенный материал оказался в предательских руках, тщетно пыталась добиться его возвращения. Могла ли она подумать, что годы спустя ее воля вновь будет нарушена теми, кто не стесняется объявлять себя последователями Учения! Сейчас в сети Интернет появился ряд клеветнических статей и выступлений по этому вопросу, сюжетная канва которых крайне проста — тоталитарная политика Центра-Музея им. Н.К. Рериха и демократические идеалы его нью-йоркского собрата. Читая эти материалы, невозможно избавиться от ощущения, что Елены Ивановны Рерих, автора этих дневников, как бы НЕ существует. О ней публикаторы забыли, а ее воля ничего для них не значит. Ее наследия или НЕ знают, или перетолковывают в своих интересах, причем те, для кого сохранение и защита этого Наследия должны быть вопросом чести. Однако, как говорил Н.К. Рерих, нельзя бывшее сделать не бывшим.

В чем заключается для нас ценность писем Елены Ивановны Рерих? Почему они дороги нам? Прежде всего потому, что они непосредственно связаны с книгами учения Живой Этики и являются незаменимой помощью и подспорьем для изучающих этот фундаментальный труд XX столетия. Ибо в своих письмах Елена Ивановна отвечает на вопросы корреспондентов, связанные с Учением, а как известно, там, где нет вопросов, там нет и ученичества. «Я всегда стремлюсь, — пишет она, — чтобы мои корреспонденты запрашивали меня все неясное для них, ведь с помощью Владыки я могу многое пояснить». В рукописи книги «Мир Огненный», хранящейся в архиве Центра-Музея им. Н.К. Рериха, встречается несколько высказываний Учителя, которые не вошли в известное всем нам издание 1940 года, видимо, из-за присущей Елене Ивановне скромности. «Даже не подозреваешь, как твои писания будут исцелять тех, кто искал и забрел в темноту, — записано в старой тетради в черном клеенчатом переплете. — Я вижу чудесный том и тысячи духов, изучающих твои письма. Все твои мысли дадут огненный посев»³. «На твоих посланиях будут учиться молодые ищущие и старые заблудившиеся. Когда пишешь, имей в виду легионы, ибо твои послания коснутся их»⁴. «Твои послания... останутся в истории как чудесные послания сердца и духа»⁵.

³ Архив МЦР. Мир Огненный. Запись от 4 декабря 1934 г.

⁴ Там же. Запись от 6 декабря 1934 г.

⁵ Там же. Запись от 8 декабря 1934 г.

Перед нами (прежде всего перед исследователями рериховского наследия) — ценнейший исторический документ, ибо на страницах писем отражена история как самой жизни семьи Рерихов, так и становления духовно-культурного движения, ныне носящего их имя. На страницах писем мы встретим Указания Владыки относительно текущих событий и будущих начинаний, рекомендации, предостережения и советы самой Елены Ивановны. Сурово и с великой болью в сердце напоминает она о той огромной ответственности, что возложена на призванных к Великому Строительству. Ответственности перед Учением и перед другими людьми. Сегодня для многих из нас, именующих себя последователями великих людей и «несущих на своем щите мировое имя» Рериха, это повод задуматься, заполнена ли их жизнь прекрасными поступками терпимости, вмещения и великодушия или тратится на поиски виновных, деление на «своих» и «чужих» и отвлеченные призывы к духовности и культуре, обращенные, опять же, к другим?

«Дороги друзья, примкнувшие к великому делу при зарождении его», — писала Елена Ивановна о своих первых сотрудниках. Книга ее писем — в известной мере и дань признательности тем, кто стоял у истоков рериховского движения и запечатлел свое имя на страницах Книги Культуры благородными делами: Зинаиде Григорьевне Лихтман (Фосдик), Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, Феликсу Денисовичу Лукину, Рихарду Яковлевичу Рудзитису... Значительная часть писем, представленных в четвертом томе, адресована сотрудникам Латвийского общества Рериха, официально учрежденного в Риге в октябре 1930 года, одним из главных направлений работы которого стала издательская деятельность. Именно в Риге увидели свет многие книги Живой Этики, а также «Врата в Будущее» и «Нерушимое» Н.К. Рериха, художественная монография о его творчестве, «Тайная Доктрина» Е.П. Блаватской в переводе Елены Ивановны и конечно же ее письма в Европу и Америку. Когда в 1940 году на территории Латвии была провозглашена Советская власть, Общество было ликвидировано и для многих его членов наступили годы тяжелых испытаний. Что такое преданность Учению, эти люди знали не понаслышке — за свои убеждения они были отправлены в сталинские лагеря, двоих (Ф.А. Буцена и А.И. Клизовского) расстреляли.

На сегодняшний день мы знаем о Елене Ивановне очень мало. И если творчество и биография Николая Константиновича достаточно хорошо изучены: опубликованы практически все его литературные труды, существует много исследований, посвященных его искусству, общественной дея-

тельности, Центрально-Азиатской экспедиции, археологическим изысканиям и т. д., то Елена Ивановна остается для нас пока «Terra Incognita». Это вполне понятно, прежде всего из-за особенностей ее Миссии, которая требовала определенных условий. И к тому же Елена Ивановна была человеком необычайно скромным: ни на одной из книг Учения не стоит ее имя, все литературно-философские труды изданы под псевдонимами. Она избегала говорить о себе, и даже по письмам ее видно, что местоимение «я» встречается в них крайне редко. Оно не свойственно ее стилю. Если Елена Ивановна пересылала кому-либо слова Учителя, все упоминания о себе либо вычеркивались, либо давались в третьем лице. Публикация наследия Елены Рерих — это единственный путь, который позволяет осветить жизнь посланницы Великой Иерархии Света в ее истинном величии и воздать то уважение, которое она заслужила. О последнем неоднократно упоминает ее Учитель, Великий Владыка, называвший Елену Ивановну не только Матерью Агни Йоги, Доверенной Братства, но и Своей Наместницей. Последнее указывает на то высокое положение, которое она занимала в Иерархии Света — Наместником Владыки Шамбалы, претворителем Его Воли может быть только дух, священный с Ним тысячелетними узами преданности и сотрудничества, облеченный Его абсолютным доверием. «Ты, идущая со Мною, ты, сражающаяся со Мною, ты, строящая и собирающая со Мною. Ты, разделяющая со Мною все Битвы»⁶ — так обращается к ней Учитель.

Концепция мироздания, которую исповедовала Е.И. Рерих, и, в первую очередь, сам принцип единства человека и Космоса во многом родственны взглядам русских космистов. И тем не менее мы не можем подходить к Е.И. Рерих как философу с обычных позиций, ибо в основе ее мировоззрения, личного духовного опыта, жизненного пути, целей и устремлений лежит сознательная связь с Иерархией Света. Именно она объясняет тот необычайный духовный подъем, который мы испытываем при изучении книг Живой Этики и других трудов Елены Ивановны, ибо наше соприкосновение с духовным фокусом Сил Света, которым она безусловно являлась, и есть соприкосновение с Иерархией — «спасительным якорем человечества». Поэтому остается только пожелать читателю, держащему в руках эту книгу, чтобы эти прекрасные «послания духа и сердца» величайшей подвижницы XX века зажгли огонь в его душе и пробудили то светлое, созидательное начало, которое заложено в каждом из нас.

Т.О. Книжник,
редактор-составитель

⁶ Письмо Е.И. Рерих З.Г. Лихтман от 24 августа 1934 г.

«Педагогическая симфония» Шалвы Амонашвили

История одного издания

Двадцать лет назад в издательстве «Просвещение», которое вот уже четверть века возглавляет Д.Д. Зуев, ныне академик РАО, Лауреат премии Президента в области образования, вышла первая книга учителя из Грузии Шалвы Амонашвили, заглавие которой ничего общего не имело с солидными монографиями по педагогике. Она называлась «Здравствуйте, дети!». В книге день за днем описывался и обобщался в размышлениях об удачах и неудачах педагогический опыт учителя, не боявшегося искать и все свои «отклонения» от ортодоксальной педагогики оправдывавшего только одним — любовью к детям, стремлением к тому, чтобы путь познания был радостным. Тон книги, убежденный и одновременно бережный, был продиктован ответственностью учителя за то, куда и к чему он ведет своих читателей и воспитанников. Уже в этой первой книге прорастали идеи будущего трактата «Школа Жизни», утверждающего нужность не столько уроков чтения, письма и математики, сколько уроков внутренней культуры, духовной жизни, откровения, эмоциональной грамотности, Любви, Красоты, географии и экологии Души. Твердо и ясно звучало слово, идущее от сердца, пропущенное через душу и утвержденное духом в поступке, в действии. Уже здесь были заложены первые такты будущей «Педагогической симфонии»:

одна из глав книжки «Партитура школьного дня» начиналась словами: «Каждое утро, идя в школу, я несу с собой партитуру нового школьного дня <...> Эта симфония каждого школьного дня звучит в моих ушах звуками детского жриамули» (это грузинское слово означает веселый шум птиц и детей).

Для того, чтобы такая «симфония» увидела свет, упорства и отваги автора было мало. Нужно было, чтобы автор нашел своего издателя. Но произошло обратное. Главный редактор крупнейшего в стране издательства педагогической литературы был отцом и дедом. Он искал ответы на вопросы о том, как найти контакт с ребенком, как вести его по жизни, не навредив, не испортив великого замысла Вселенной. Ответы ему подсказывал через газетные публикации учитель из Грузии, с которым он не был знаком лично. А еще Дмитрий Дмитриевич Зуев недавно ощущает себя продолжателем древнего русского рода, корни которого прослеживаются с XVII века и уходят в глубь истории северной Руси. Это один из его предков, обладавший уникальной памятью, записал полный текст пушкинской «Русалки» (черновики которой не сохранились), воспринятый на слух при чтении поэта. Род Зуевых много веков служил российскому государству. «В нем Россия гудит», — скажет об этом человеке позже Шалва Александрович Амонашвили.

Тогда многими уважаемый издатель написал учителю письмо. Не как издатель написал, а просто как отец и дед, от руки, не на бланке. И с этого началось их многолетнее знакомство и работа над первой книгой. Однажды на пороге кабинета возник человек с ворохом рукописей, разрозненных записей и заметок, в ходе обсуждения которых стала обретать контуры будущая книга. Первая ее часть была ликующе радостной.

Вторая часть «Педагогической симфонии» — самая патетическая — не стала наукообразнее или менее интенсивной и напряженной по работе сердца и души. И название ее по-прежнему было обращено не к педагогам. Оно вновь предлагало им посмотреть не на себя, а на детей: «Как живете, дети?» Именно здесь рассказано о работе с бабушками и дедушками, о том, как учитель помогает старикам и внукам увидеть и понять друг друга, ощутить живую историю через связь поколений. Именно отсюда вырастают правила новой педагогики: «Чем многограннее у ребенка жизненный опыт детства, тем успешнее можно вплетать в него богатейший опыт человечества». Финал обращен прямо к учителю, это высокое обобщение принципов гуманной педагогики: принципа великого творящего терпения, принципа облагораживания среды и принципа дорисовывания ребенка, подсказанного самими детьми, их всем известным «как

будто». Много раз Шалва Александрович доказывал, что доброта и щедрые авансы человеку дают ни с чем не сопоставимые результаты.

Третья часть «Педагогической симфонии» — самая огненная. В ней идет разговор о коллегах, об умении делиться с людьми самим собой, о глубинах океана слов и об уроках совести. В ней содержится призыв: «Учитель, будь солнцем, излучающим человеческое тепло. Засевай, в первую очередь, души и сердца». Только учителю доступна эта радость — переживать вновь и вновь свое утраченное детство вместе со своими учениками. И в этой, третьей части есть раздел «Чтобы написана была симфония». Так созрел и окончательно оформлялся за-

мысел, так воплощалась в жизнь мечта.

Для того, чтобы полная партитура «Педагогической симфонии» была издана под одной обложкой в изменившемся со времени ее первоначального замысла мире, нужно было, чтобы ее автору вновь повезло на людей, чтобы оказались рядом единомышленники, которые поддержат, поймут, помогут. И такая встреча состоялась. Шалва Александрович рассказывает, как в годы, когда он был депутатом Верховного Совета, в руки ему попала книга «Живой Этики», и он «так ею увлекся, что не заметил, как Союз распался». История издания его книги — еще одно подтверждение тому, что распались политические связи, но не человеческие. Они-то как

раз укрепились. Настал день, когда Шалва Александрович появился в Международном Центре Рерихов. Завязались и укрепились связи с приходящими сюда учителями, и он возглавил сложившееся здесь педагогическое объединение. Когда при встрече с генеральным директором Музея Л.В. Шапошниковой он поделился своей мечтой, то успел только сказать, что давно хочет, чтобы такая вот книга была. Собирался объяснить, как она связана с деятельностью Центра, но услышал в ответ: «Да не нужно ничего объяснять. Давайте ее сюда». И через месяц после разговора книга, объединившая все самое дорогое и светлое, передуманное, пережитое, в новом своем облике появилась на свет.

В апреле 2002 года в Международном Центре Рерихов прошла ее презентация.

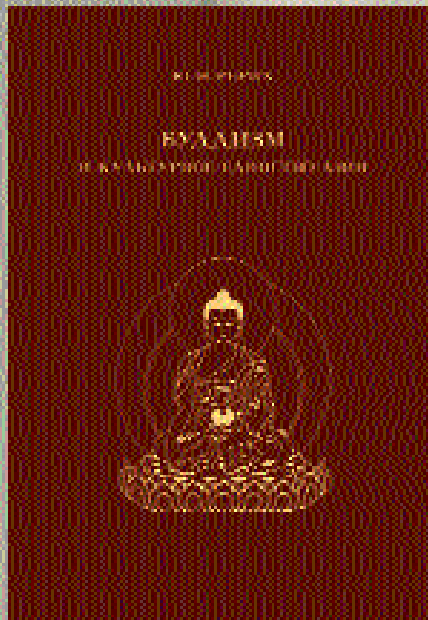
Так состоялось издание, путь к которому занял всю жизнь и еще один месяц. «Педагогическая симфония» — плод многолетней деятельности автора, содействия талантливых, имеющих вкус и чутье издателей и ударного труда издательского коллектива, без усилий которого неисполненной осталась бы мечта мастера. Под обложкой этой книги — итог долгого пути к сердцам детей и читателей.

Музыка имеет уникальное свойство. Она существует только в момент своего исполнения. Партитура «Педагогической симфонии» издана. Но чтобы она зазвучала, преобразуя заложенными в ней идеями мир, необходим исполнительский талант. Свое отношение к книге, глубину отношений, с ней завязавшихся, подтверждают учителя-практики. Только они, самоотверженно отдающие сердца детям, способны помочь ей зазвучать со всей вложенной в нее мощью.

Е.Н. Черноземова

Публикаторский отдел МЦР

Ю.Н. РЕРИХ. БУДДИЗМ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АЗИИ.

Избранные статьи (из архива МЦР). Перевод с английского А.Л. Барковой. Под редакцией кандидата филологических наук В.С. Дылыковой-Парфионович. Сборник статей выдающегося русского востоковеда и лингвиста Юрия Николаевича Рериха из архива Международного Центра Рерихов, посвященных истории тибетского буддизма, тибетскому искусству и археологии. На русском языке эти работы публикуются впервые. Издание иллюстрировано фотографиями памятников индийского, среднеазиатского и тибетского буддизма.

Ю.Н. РЕРИХ. ПИСЬМА (1919—1960).

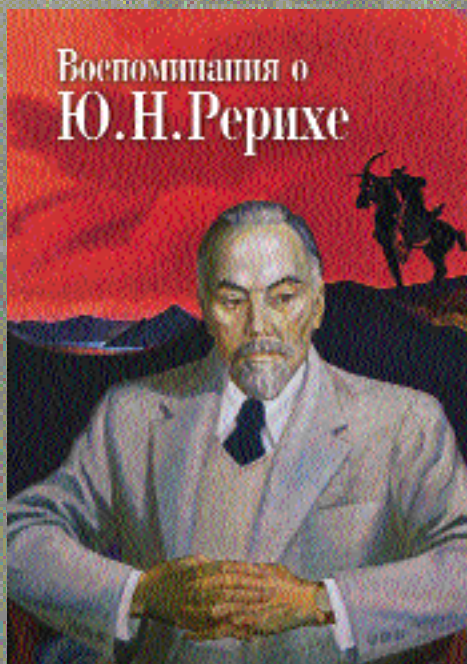
В двух томах.

Эпистолярное наследие выдающегося востоковеда и лингвиста Юрия Николаевича Рериха практически неизвестно широкому кругу читателей. В юбилейное издание включены все его письма, хранящиеся в архиве Международного Центра Рерихов, адресованные матери и брату, коллегам-востоковедам, сотрудникам Министерства земледелия США и Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и др. Книга иллюстрирована редкими фотографиями из архива МЦР.

ВОСПОМИНАНИЯ

О Ю.Н. РЕРИХЕ. Сборник.

Выдающийся русский востоковед и лингвист Ю.Н. Рерих был единственным из семьи Рерихов, кому удалось вернуться на Родину. За два с половиной года работы в Москве он сумел сделать то, на что у других ученых ушла бы целая жизнь. Своими воспоминаниями о нем делятся его друзья, ученики, коллеги — П.Ф. Беликов, Ш. Бира, К.А. Молчанова и др.

Ю.Н. РЕРИХ.

БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ,

составленный научной библиотекой МЦР, посвящен выдающемуся русскому востоковеду, лингвисту и путешественнику Ю.Н. Рериху. Работа включает основные даты жизни и деятельности Ю.Н. Рериха, краткий биографический очерк, исчерпывающий перечень трудов, а также литературу о его жизни и деятельности. В книге есть именной указатель и алфавитный указатель произведений Ю.Н. Рериха.

предлагает новые издания

КОМПЛЕКТ ОТКРЫТОК «ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРА-МУЗЕЯ ИМ. Н.К. РЕРИХА». Выпуск 7. Н.К.РЕРИХ. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ.

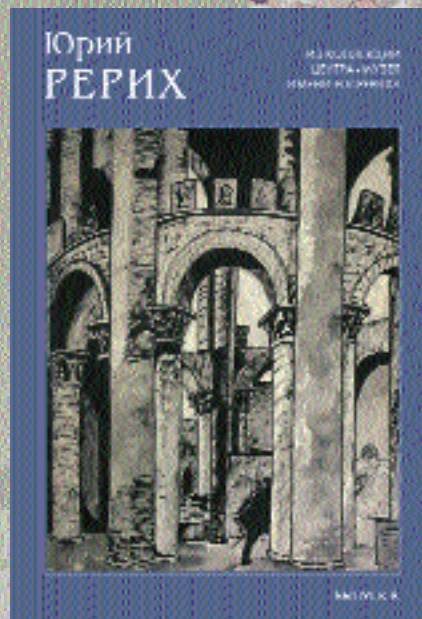
24 сюжета.

В 2001 г. экспозиция Центра-Музея имени Н.К. Рериха пополнилась новыми работами Николая Константиновича, отражающими почти весь творческий путь художника, начиная со вступительных работ в Академии Художеств до знаменитых, хрестоматийно известных в истории искусства полотен. Часть произведений (преимущественно работы раннего периода) была подарена Музеем московскими коллекционерами, остальные приобретены в США у американца Дональда Боллинга, распродающего собрание своего отца Балтазара Боллинга.

КОМПЛЕКТ ОТКРЫТОК «ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЦЕНТРА-МУЗЕЯ ИМ. Н.К. РЕРИХА». Выпуск 8. Ю.Н. РЕРИХ. ГРАФИКА И ЖИВОПИСЬ.

16 сюжетов.

Юношеские рисунки Юрия Николаевича Рериха, представленные в этом выпуске и свидетельствующие о незаурядном художническом даре их автора, раскрывают перед нами еще одну сторону многогранного таланта выдающегося ученого-востоковеда, лингвиста, этнографа, археолога, историка, путешественника, просветителя XX века.

Н.В. СЕРГЕЕВА. РЕРИХ И ВРУБЕЛЬ. Эстетика русского живописного символизма.

Анализируя творчество Врубеля и Рериха, автор исследования выявляет главные составляющие миропонимания двух гениев русского символизма, которые являются доминирующими в их искусстве и которые определяют символизм как религиозно-философское направление в живописи конца XIX — начала XX века. Здесь основным явилось глубокое религиозное чувство художников-символистов, их стремление осмыслить это чувство заново, придать ему новое качество не только на уровне мировосприятия, но и на уровне создания адекватных художественных форм.